

Научная статья

УДК 7.01

DOI: 10.36871/hon.202504049

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Анна Владимировна Костина

Московский гуманитарный университет
111395, Российская Федерация, Москва, улица Юности, 5
akostina@mosgu.ru, ORCID: 0000-0002-7216-4157

Статья посвящена осмыслению культурологии как специальной области знания, а также причинам ее формирования. Автор отвергает подход к культурологии как заменившей систему идеологических дисциплин, ушедших из учебных планов вместе с разрушением официального статуса советской идеологии, и показывает, что формирование культурологии сопряжено с закономерностями развития самого гуманитарного знания и науки в целом. В статье показана обусловленность появления этой науки самой системой самоорганизации научного знания и доказана ее связь с постнеклассической эпохой развития науки, которая определила наличие в ней таких черт, как системность, человеко-ориентированность, целостность подхода, где человек встроен в систему взаимоотношений как с обществом, так и природой, ориентация на принцип эволюционизма в теории и опора на категорию развития в системе знания о культуре. Раскрываются особенности научного метода яркого представителя и одного из отцов-основателей культурологии А. Я. Флиера, анализируется специфика его понимания культуры, представляются особенности его языка, его концептуальных положений, которые развивают научное знание о культуре.

Ключевые слова: культура, постнеклассическое знание, методология, гносеология, функциональный подход, культурное моделирование, типы культуры

Для цитирования: Костина А. В. Культурология и ее место в системе постнеклассического знания // Художественное образование и наука. 2025. № 4 (45). С. 49–57. <https://doi.org/10.36871/hon.202504049>

Original article

CULTURAL STUDIES AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF POST-NON-CLASSICAL KNOWLEDGE

Anna V. Kostina

Moscow University for the Humanities
5 ul. Yunosti, Moscow, 111395, Russian Federation
akostina@mosgu.ru, ORCID: 0000-0002-7216-4157

The article explores cultural studies as a distinct field of knowledge, examining the reasons behind its emergence. The author rejects the idea that cultural studies replaced the system of ideological disciplines that disappeared from curricula when Soviet ideology lost its official status, and shows that cultural studies emerged alongside the development of humanities and science in general. The article demonstrates that the emergence of this science is conditioned by the system of self-organisation of scientific knowledge, and proves its connection with the

© Костина А. В., 2025

post-non-classical era of science development. This era determined the presence of such features as systematicity, human-centredness, and a holistic approach, in which the individual is integrated into a system of relationships with both society and nature. There is also a focus on the principle of evolutionism in theory and the reliance on the category of development in the body of knowledge about culture. The article reveals the features of the scientific method of A. Ya. Flier, a prominent representative and one of the founding fathers of cultural studies. It analyses his specific understanding of culture, demonstrates the peculiarities of his language, and presents the features of his conceptual positions that develop scientific knowledge about culture.

Keywords: culture, post-non-classical knowledge, methodology, epistemology, functional approach, cultural modeling, types of culture

For citation: Kostina A. V. Cultural Studies and Its Place in the System of Post-Non-Classical Knowledge. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka [Arts Education and Science]*. 2025, no. 4 (45). P. 49–57. <https://doi.org/10.36871/hon.202504049> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

Посвящается памяти А. Я. Флиера — одного из основателей отечественной культурологии, первого как по времени появления в рамках этой науки, так — и это главное — по своей значимости для ее становления и развития.

Вопрос о времени, а главное о причинах формирования культурологии, несмотря на обилие суждений и аргументации, все еще остается открытым.

За три с половиной десятилетия своего существования в официальном статусе культурология стала вполне привычной для восприятия не-культурологами. Более того, она даже обрела статус престижа, и многие литературоведы, историки, социологи, политологи, реже философы, объектом исследования которых является культура, называют себя культурологами. Это свидетельствует о том, что культурология вошла в общественный и научный дискурс как полноправная наука.

Однако до сих пор не вполне ясно, какие же причины привели к формированию культурологии, и почему это произошло в 1990-е годы. В течение достаточно продолжительного времени существовала идея о том, что введение культурологии было вынужденным вследствие изъятия из учебных планов целого комплекса мировоззренческих дисциплин, прежде всего, диалектического и исторического материализма, истории партии. Эта версия опиралась на внешнюю сторону ситуации, в ней причина и следствие были изменены в своем статусе. Но такая версия не была безобидной, она отражала непонимание необходимости культу-

рологии, а также своевременности, если не запаздывания ее внедрения. К сожалению, это мнение было достаточно распространенным и породило недоверие к культурологии как искусственному конструкту, который со временем будет заменен чем-то более содержательным.

Столь же важным обстоятельством было то, что истоки культурологии стало принято выводить из антропологии, прежде всего, работ Л. Уайта, который показал, что для развития эмпирической по своей сути антропологии необходима научная дисциплина, содержащая теоретическую ее часть и раскрывающая предельно общие вопросы генезиса, трансляции, взаимодействия культур, причин их умирания и возрождения, аккультурации и интеграции культуры и т. п., ее он назвал культурологией. Несмотря на безусловную верность этого положения, оно свидетельствует о том, что культурология — это предложение одного, пусть и весьма авторитетного исследователя, или одной научной школы.

Однако причины появления культурологии как самостоятельной науки гораздо глубже. Ее формирование связано с законами самой науки как сложной системы, обладающей собственной логикой развития, подчиняющейся внутренним законам и имеющей свою историю. Поэтому этот вопрос выходит за рамки обсуждения культурологии, которая выступает здесь лишь частным случаем и одним из примеров, подтверждающих общую закономерность.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос истории науки и закономерностей развития этой истории связан с вопро-

сом становления и развития научной теории, к решению которого подошли достаточно поздно, только в XX веке. И основанием для развития новой теории послужили, в первую очередь, работы представителей естественно-научного знания, отразившие изменение не только проблематики исследований, но, прежде всего, их методологии.

В самом начале XX века в физике были сделаны новые открытия, перевернувшие представления о существующем мире: в 1900 году была опубликована статья Планка, которой было введено представление о квантах электромагнитного поля. В 1911 году Э. Резерфорд создает планетарную модель строения атома, о чем в журнале *«Philosophical Magazine»* появляется публикация «Рассеяние α - и β -частиц веществом и строение атома», в которой впервые вводится понятие «атомное ядро» [3, 98]. В 1924–1926 годах создана квантовая механика де Бройля, Гейзенберга, Шредингера и Борна; в 1928 году установлено уравнение Дирака, описывающее поведение квантовых состояний материи на скоростях, близких скорости света.

В этой череде блестящих открытий совершенно особняком стоит теория относительности А. Эйнштейна: в 1905 году — специальная теория относительности, в 1921 году — общая теория относительности, изменившая представление о таких, казалось бы, незыблемых явлениях, как пространство и время. Все эти открытия требовали создания новой системы описания, нового языка формул, а главное — новой системы мышления. И такой язык был создан.

Осмысливая эти изменения в научной теории, ученые пришли к выводу, что новая научная система принципиально отлична от той, которая существовала еще в середине XIX века и считалась не только верной, но и единственной. И уже в начале XX века стало очевидно, что научное и философское знание является не константной реальностью, изменчивость которой определяется только лишь самим внутренним ее развитием, ее саморегуляцией, позволяющей дополнять или полностью изменять те представления о мире, которые определенная наука формирует и доказательно представляет и которые как бы свободны от внешнего «фона», но как реальность подвижную. И эта подвижность вызвана не только внутренними законами развития конкретной науки, но и тем фоном, в рамках которого эта наука развивается.

Несмотря на то, что мышление и ученого, и философа в наибольшей степени автономно от существующего фона в виде обыденных представлений, популярных суждений, функционирующих мифов, ложных представлений, расхожих мнений, но и оно не свободно от них. Но это не главный фон, определяющий направленность развития науки.

Главным является доминирующая научная и мировоззренческая (философская, религиозная, политико-идеологическая) парадигма, которая и обуславливает переход от одного типа саморегуляции к другому. Именно доминирующая парадигма определяет историческую изменчивость всех компонентов науки — эмпирических фактов, научных теорий, характера методологии и методов исследования.

Так, становление математики связано с содержанием культуры Античной Греции как ориентированной на демократические формы управления обществом, где мнение должно подкрепляться доказательством, что предопределило ценность публичной дискуссии, а также как обладающей гуманистической религией, где боги были близки людям, а знание не рассматривалось как данное богами и не нуждающееся в доказательствах. Эта ситуация привела не только к формированию математики, но и науки в целом как системы, опирающейся на доказательства, и философии как системы, опирающейся на незаинтересованное суждение.

Точно так же культурное содержание эпохи Ренессанса и Реформации стало основанием для формирования нового типа мышления, основанного на активной деятельности человека, направленной на познание природы, ее улучшение и рациональное использование. Это точно отразила философия и наука XVII века, где Локк, Гоббс, Спиноза, Декарт в качестве основного фактора развития культуры выделяли развитие техники, инженерии, промышленного производства. Ценности техногенной культуры стали основанием для развития науки Нового времени с такими принципами ее развития, как способность науки не следовать за практикой, а устанавливать и проблематизировать новые сферы и области, актуальные для познания; способность выходить за рамки уже известных способов освоения мира и определять новые способы и формы; направленность на выработку собственного языка, совокупности понятий и категорий,

особой семиотической системы, необычной для обыденных форм освоения действительности; стремление опираться на специфические методы познания и расширять их арсенал; специфика субъекта познавательной деятельности, ориентированного не только на овладение передовыми методами исследования, но также на совокупность ценностных установок.

Для отражения этого привнесенного в науку знания, определяемого содержанием эпохи, в XX веке выдающимися учеными-естествоиспытателями М. Планком, А. Эйнштейном, Н. Бором, Э. Шредингером было введено понятие «научная картина мира» [11, 48], означающее целостную систему представлений о законах устройства мироздания, основанную на естественно-научных знаниях, доминирующих в определенную эпоху. Именно научная картина мира определяет предмет исследования в его ведущих особенностях, стратегию теоретического поиска, нормы описания, доказательства, обоснования, а также принципы организации научного знания и философские основания, позволяющие соотнести научные знания с конкретной культурно-исторической парадигмой.

Полно и последовательно эта проблема была представлена и раскрыта в работах специалиста в области теории познания, философии и методологии науки академика В. С. Степина [13; 15]. Идея связи знания с исторической эволюцией была концептуализирована ученым уже в 1960–1970-е годы, что было обусловлено развитием системной методологии и переходом от онтологической системы рассмотрения философии и научного знания к логико-методологическому анализу их строения и динамики. Системный подход позволил рассмотреть научное знание не как автономный феномен, а как встроенный в социально-экономическую систему, как феномен, обладающий качеством идеологичности в самом широком смысле этого слова и обусловленный социальным, политическим, художественным, финансово-экономическим контекстом. Подобный контекст выступает в качестве фундаментального основания, на котором развивается научное знание и которому подчиняется, который задает «рамку» видения и трактовок ученого и философа, систему его представлений, картину сущего и должного, выделяет ценностные приоритеты, определяет образ будущего.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА: ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, ИДЕИ, ТРАКТОВКА РЕАЛЬНОСТИ

Таких парадигм, в которых знание выступает в тесной связи и обусловленности с исторической эволюцией, можно выделить три.

Классическая парадигма связана с эпохой становления новоевропейской науки и выражается в таких категориях, присущих Просвещению, как рационализм, историзм и гуманизм. Для классической рациональности характерно центрирование на объекте, функции субъекта ограничиваются только познающей деятельностью, как предполагается, от влияния субъективного фактора.

Классическая система проявилась ярко не только в естественнонаучном знании, но и в гуманитарном, а также философии. Это труды классиков Просвещения И. Канта, И. Г. Гердера, Дж. Вико, Гегеля, Ж.-Ж. Руссо, тяготевшего к художественному, а не научному стилю изложения. Их труды входят в арсенал культурологического знания как основа, где формируются первые подходы к изучению культуры, вырабатываются специфические методы ее изучения. Во всех работах названных авторов видно влияние классических детерминистских связей, например, ярко выраженная связь климата и рельефа почвы с особенностями культуры у И. Г. Гердера в его «Идеях к философии истории человечества» [2]. Логичность, последовательность, взаимообусловленность положений — это черты работы И. Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» [4].

Неклассическая система, сформировавшаяся в конце XIX века¹ и исчерпавшая свое содержание к середине XX века, связана с открытиями микромира, созданием квантовой физики, появлением теории относитель-

¹ Время формирования неклассической науки авторами определяется различным образом. В. С. Степин опирается на открытия в физике, основные из которых были сделаны в начале XX века. Неклассическая геометрия Лобачевского возникает уже в 30-е годы XIX века, неклассическая биология Ч. Дарвина — в 1860-е годы, неклассическая социология Э. Дюркгейма, М. Вебера — в 1890-е годы, неклассический (называемый «классическим») психоанализ З. Фрейда — в 1885–1895 годы.

ности Эйнштейна, развитием атомной теории, продемонстрировавшей, что атомные явления, как писал специалист в области истории и философии физики В. Ф. Вайскопф, «представляют намного более сложную реальность, чем та, с которой мы привыкли сталкиваться в классической макроскопической физике» [1, 39].

Главное, что принесла неклассическая система — требование к исследованию феноменов и явлений не в качестве неизменных, а в качестве способных изменять свои особенности и внутренние свойства в соответствии с конкретными условиями их существования. Это приводит и к пересмотру методологии исследования, где определяется необходимость учета связей между объектом и средствами его познания. Соответственно, и научная картина мира перестает рассматриваться как неизменная и вечная в своей истинности, а предстает как изменяемая и уточняемая в соответствии с развивающимся научным знанием. Детерминизм в подходе к рассмотрению феноменов и явлений заменяется вероятностно-статистическим подходом, принимающим возможность изучения наукой не абсолютных свойств объекта, а его относительных качеств, зависящих от контекста. Это находит отражение в полифакторном подходе, где предмет исследования не изолируется от внешней среды, но анализируется в комплексе динамических условий.

Важно, что принципы неклассической науки ярко проявили себя и в психологических науках, где ярко представительствовавший З. Фрейд, открывший психоанализ; и в социологии, где Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин открыли новый подход, стремясь к пониманию социальной материи; и в истории, особенно у представителей школы Анналов М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, обосновавших новую методологию исторической науки; и в литературоведении, где в рамках теоретической поэтики В. Шкловского, Ю. Тынянова, В. Жирмунского, В. Проппа, Пражского лингвистического кружка Р. Якобсона, Тартуской школы структурализма Ю. М. Лотмана и структурной лингвистики Ф. де Соссюра были разработаны новые методы структурного анализа любых объектов культуры.

Принципы классической философии И. Канта были переосмыслены в трудах неокантианцев, которые подготовили фундамент для формирования культурологии

в виде аксиологической концепции В. Виндельбанда и Г. Риккерта [12] и символической — Э. Кассирера [5]. Неокантианцев также не удовлетворила классическая методология генерализации, и они разработали индивидуализирующие методы, присущие наукам о культуре — метод отнесения к ценностям и метод анализа символических систем. Как показала практика, оба этих метода активно применяются в науках о культуре и по настоящее время. Более того, их гносеологический потенциал отнюдь не исчерпан, что подтверждают документы федерального уровня последних лет, фиксирующие именно ценностную специфику России как государства-цивилизации.

Тот же самый подход был установлен и в работах Ф. Ницше, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, затем — А. Тойнби, где было выработано особое понимание становления, истории, развития культур и цивилизаций, где линейное время и принцип историзма уступили место циклическому восприятию времени, классический детерминизм сменила концепция «философии судьбы», а классические методы объяснения сменили методы понимания, «вчувствования», «постижения жизни жизнью».

Уже в XX веке эта смена парадигм будет зафиксирована в работах целого ряда философов как зарубежных, так и отечественных, где будет представлено видение истории философии как системы, прошедшей две стадии своего развития — классическую и современную. В работах 1970-х годов, принадлежащих М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьеву, В. С. Швыреву [9; 10], эти две эпохи в развитии западной философии будут определены как классическая и неклассическая.

Принципы работы всех этих ученых были новаторскими, все они стремились к обновлению предмета исследования, все опирались на новую, ими же созданную методологию, и все порывали с классической наукой.

На становление и развитие **постнеклассической системы знаний**, время появления которой принято связывать с 70-ми годами XX века, ведущее влияние оказал целый ряд взаимосвязанных изменений. В технике — открытие нового способа кодификации, хранения, передачи информации с помощью программного управления, основанного на принципах двоичного кодирования, а также однородности, адресности, иерархической организации памя-

ти, что привело к компьютеризации науки. В функционировании науки — распространение комплексных и междисциплинарных исследований, свидетельствующих о потребности в целостном знании, не разделенном перегородками отдельных наук, а также повышение влияния на развитие науки социальных, политических, экономических факторов. В методологии науки — появление новых методологических принципов, заимствование методологий гуманитарного знания (к примеру, метода исторической реконструкции). В объекте исследования — формирование нового объекта — открытых саморазвивающихся систем. В содержании научного знания — его гуманитаризация, введение человеческого и ценностного измерений.

В рамках постнеклассического знания появляется ряд концепций, ставших основополагающими для этого периода развития науки. Прежде всего, это синергетическая парадигма, сформулированная в исследованиях И. Пригожина, Г. Хакена, Э. Янча; затем — системная концепция, представленная в работах Г. Бэйтсона, Д. Бома, Э. Ф. Шумахера. Эти концепции определили новый объект исследования — сложные саморазвивающиеся системы, включающие природу, культуру, человека; новый предмет — «человекообразность»; новые идеи — коэволюции, самоорганизации, нелинейности, глобального эволюционизма, системности, экологизации; новую трактовку реальности как исторического процесса и как системы взаимосвязей.

Именно в этот период созрели предпосылки для формирования культурологии как науки о наиболее общих закономерностях развития человека в обществе [6; 7] как науки, отражающей «правила игры», или «социальные конвенции» как «стихийно достигаемые соглашения о порядке совместного существования и взаимодействия людей» [16, 125]. Такое определение культурологии дал А. Я. Флиер — один из первых ученых-культурологов (и по времени появления в рамках этой науки, и по своему значению для ее развития), доктор философских наук, профессор, исследователь исторической динамики культуры, придерживающийся методологии функционализма.

Какие черты постнеклассического знания нашли выражение в творчестве этого ученого? Прежде всего, это стремление отказать от прежних классических и даже

неклассических подходов и проблематизировать научное высказывание за счет постановки вопросов, никогда прежде не становившихся предметом осмысления. Среди таких — нормативная теория культуры, где культура рассматривается как система норм, определяющих формы поведения и символической манифестации человека как члена сообщества, а потому имеющая жесткий, а подчас репрессивный характер [15]. Их автор называл «некультурными функциями культуры», показывая, как культура переходит от «рабства обычая» через «рабство статуса» к «рабству конъюнктуры» [8]. Оригинальной стала концепция автора о зависимости уровня контроля над индивидом от усиления сложности уровня социально-экономического развития общества. Важной для понимания сущности развития культуры в XX и XXI веке стала идея о взаимозависимости процесса социального развития и содержания культурного своеобразия, где прогресс ведет к понижению уровня локального своеобразия, а усиление своеобразия — к регрессу. А. Я. Флиер стал одним из первых, а может быть, первым, кто озвучил идею о том, что в современном мире именно культура становится основным средством социальной регуляции и орудием контроля масс, а основными методами этого контроля начинают выступать культурная экспансия и культурные манифестации.

Яркость, незаурядность идей А. Я. Флиера находила соответствующее выражение в его остроумных формулировках и высказываниях. Оригинальным и сопротивляющимся привычной трактовке культуры как всего самого лучшего и прекрасного, созданного человеком, было видение ученым культуры как «вредного», а порой репрессивного механизма: «Культура — это наше не все. Как ни странно, но даже у культуры явственно просматриваются границы ее социальной полезности, за которыми она становится уже не полезной, а временами и вредной. Конечно, определение этих границ достаточно субъективно» [16, 2]. Соответственно, и основную функцию культуры ученый видел в удержании человека и общества в границах их человеческой, вне-биологической сущности и определенно утверждал, что «культура во все времена боролась с биологической составляющей человека (вытравляла из него животное), подавляла индивидуальность (жизнь “как все” всегда была предпочтительнее и безопаснее жизни “не как все”» [16, 2].

А. Я. Флиер достаточно трезво оценивал эту сущность культуры, направляющую человека в уже проторенное русло поступков и идей, и тем самым «препятствовала всему новому (жить можно, только преодолевая устоявшиеся социальные и культурные ограничения, то есть культурную традицию)» [16, 127]. «Игровой» язык А. Я. Флиера, содержащий элемент провокации, был близок французскому постмодернизму, особенно работам Ж. Бодрийяра, с которыми часто сравнивали ученого.

Наследие ученого выражается не только в созданных им научных трудах (а их более 400, в том числе 34 научных монографии), но также в развитии его идей в современной культурологии. Главное, что сумел сформировать своими работами А. Я. Флиер, — убежденность в том, что культуру нужно анализировать как любой иной объект, без придыхания, понимая, что она содержит в себе все, что создано человеком, включая способы уничтожения себе подобных. Причем анализировать культуру необходимо не только как сложную систему, но и как систему, исторически развивающуюся, постоянно формирующую новые уровни организации, изменяющие общую конфигурацию системы во всем многообразии ее связей и системообразующих элементов.

Ученый сумел передать своим ученикам и последователям понимание научного исследования как процесса не описательно-дескриптивного, но аналитического, основанного на выстраивании моделей, создании типологических схем, построении функциональных зависимостей.

Важно, что работы ученого представляют целостный взгляд на мир, где человек взаимно связан с обществом и природой, причем все эти составляющие тесно сопряжены друг с другом в соответствии с принципом коэволюции. Такая позиция ученого, вводящего категорию времени в большинство теоретических построений, приводит не только к «историзации» и «диалектизации» культурологии, но также позволяет увидеть мир в развитии и выделить причины этого развития — восходящего или нисходящего, ускоренного или замедленного, прогрессивного или регрессив-

ного. Стремление вписать культуру в общенаучную картину мира на основе системного и эволюционного подходов в рамках глобального эволюционизма — яркая черта методологии А. Я. Флиера, характеризующая его вклад в постнеклассическое знание о культуре.

Наука, которую творил и развивал А. Я. Флиер, предельно субъектна, как философия, она объединяет объективный мир и мир человека, позволяя авторскому видению формировать новые культурные конфигурации, которые становятся не только видимыми, но даже очевидными, демонстрируя, по Вайцеккеру, что «сознание и материя являются различными аспектами одной и той же реальности» [3, 98]. Это означает, что в научном дискурсе профессора Флиера активно задействованы все функции философии — онтологическая, гносеологическая, методологическая, мировоззренческая, аксиологическая, позволяющие объединить научно-теоретическое начало с экзистенциально-духовным и выявить значение способов познания мира, подобных интуиции и воображению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурология — такая, как ее создавал А. Я. Флиер, являет собой яркий пример постнеклассического знания. Знания, лишённого спекулятивных высказываний, субъективных ощущений и банальных суждений, но наполненного логикой умозаключений, красотой и неочевидностью выводов при их высокой степени доказательности, легкостью и игровой манерой стиля научного изложения, наполненного неожиданными и парадоксальными сравнениями и метафорами, предельным расширением рамок предметного поля, позволяющим понимать значение культурологического анализа и значимость слова культуролога в современном мире. Знания, захватывающего и строгого как атрибута науки и прекрасного как атрибута искусства. Знания, которому можно следовать, но которое сложно воспроизвести, знания, рожденного нашим выдающимся современником — Андреем Яковлевичем Флиером.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Вайскопф В. Ф.* Физика в двадцатом столетии. М. : Атомиздат, 1977. 272 с.
2. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. 703 с.
3. *Дубров А. П.* Когнитивная психофизика. Основы. 2-е изд. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. С. 98.

4. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 6 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана / ред. т. 6 Т. И. Ойзерман. М. : Мысль, 1966. С. 7–24.
5. *Кассирер Э.* Философия символических форм : в 3 т. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб. : Университетская книга, 2002. 398 с.
6. *Костина А. В.* Концепция культуры А. Я. Флиера и ее роль в становлении отечественной культурологии // Культурология: имя собственное (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера) : коллективная монография. М. : Согласие, 2021. С. 84–99.
7. *Костина А. В.* Культурология: специфика становления и поиски методологии // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 1. С. 58–74.
8. *Костина А. В., Флиер А. Я.* Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М. : Согласие, 2011. 680 с.
9. *Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления) : статья 1-я // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 23–38.
10. *Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления) : статья 2-я // Вопросы философии. 1971. № 4. С. 58–73.
11. *Планк М.* Единство физической картины мира : сборник статей / сост. и авт. коммент. У. И. Франкфурт. М. : Наука, 1966. 287 с.
12. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре; пер. с нем. М. : Республика, 1998. 410 с. (Мыслители XX века)
13. *Степин В. С.* Современный позитивизм и частные науки. Минск : Министерство высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1963. 58 с.
14. *Степин В. С.* Становление научной теории: содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск : Изд-во БГУ, 1976. 319 с.
15. *Флиер А. Я.* Культурология для культурологов : учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М. : Академический Проект, 2000. 496 с.
16. *Флиер А. Я.* Некультурные функции культуры. Очерки. М. : МГУКИ, 2008. 272 с.
17. *Якупов Г. С.* Физика атомного ядра : учебное пособие. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2018. 129 с.

REFERENCES

1. Weisskopf V. F. Fizika v dvadtsatom stoletii [Physics in the Twentieth Century]. Moscow, 1977. 272 p. (In Russian)
2. Herder J. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas for the Philosophy of Human History]. Moscow, 1977. 703 p. (In Russian)
3. Dubrov A. P. Kognitivnaya psikhofizika: Osnovy [Cognitive Psychophysics: Fundamentals]. Rostov-on-Don, 2006. 301. P. 98. (In Russian)
4. Kant I. The Idea of Universal History on a Cosmopolitical Plan. *Asmus V. F., Gulyga A. V., Oizerman T. I. (ed.) Kant I. Sochineniya [Kant I. Works : in 6 vol.]*. Vol. 6. Moscow, 1966. P. 7–24. (In Russian)
5. Cassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form [The Philosophy of Symbolic Forms : in 3 vol.]. Vol. 3. Moscow; Saint Petersburg, 2002. 398 p. (In Russian)
6. Kostina A. V. The Concept of Culture by A. Ya. Flier and Its Role in the Development of Russian Cultural Studies. *Malygina I. V., Astafyeva O. N., Bagdasaryan N. G. (ed.) Kul'turologiya: imya sobstvennoe (k 70-letiyu Andreyu Yakovlevichu Fliera) [Cultural Studies: a Proper Name (on the 70th anniversary of Andrey Yakovlevich Flier)]*. Moscow, 2021. P. 84–99. (In Russian)
7. Kostina A. V. Culturology: the Specifics of Development and the Search for Methodology. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*. 2022, no. 1. P. 58–74. (In Russian)
8. Kostina A. V., Flier A. Ya. Kul'tura: mezhdru rabstvom kon'yunktury, rabstvom obychaya i rabstvom statusa [Culture: Between the Slavery of Circumstances, the Slavery of Custom, and the Slavery of Status]. Moscow, 2011. 680 p. (In Russian)

9. Mamardashvili M. K., Solovyov E. Yu., Shvyrev V. S. Classical and Modern Bourgeois Philosophy (an epistemological comparison). Article 1. *Voprosy Filosofii* [*Questions of Philosophy*]. 1970, no. 12. P. 23–38. (In Russian)
10. Mamardashvili M. K., Solovyov E. Yu., Shvyrev V. S. Classical and Modern Bourgeois Philosophy (an epistemological comparison). Article 2. *Voprosy Filosofii* [*Questions of Philosophy*]. 1971, no. 4. P. 58–73. (In Russian)
11. Planck M. Edinstvo fizicheskoi kartiny mira [The Unity of the Physical Pattern of the World]. Digest of Articles. Moscow, 1966. 287 p. (In Russian)
12. Rickert H. Nauki o prirode i nauki o kul'ture [The Sciences of Nature and the Sciences of Culture]. Series: Thinkers of the XXth century. Moscow, 1998. 410 p. (In Russian)
13. Stepin V. S. Sovremennyi pozitivizm i chastnye nauki [Modern Positivism and Private Sciences]. Minsk, 1963. 58 p. (In Russian)
14. Stepin V. S. Stanovlenie nauchnoi teorii: sodержatel'nye aspekty stroeniya i genezisa teoreticheskikh znaniy fiziki [The Formation of Scientific Theory: Substantive Aspects of the Structure and Genesis of Theoretical Knowledge in Physics]. Minsk, 1976. 319 p. (In Russian)
15. Flier A. Ya. Kul'turologiya dlya kul'turologov [Cultural Studies for Cultural Studies Specialists : textbook for master's and postgraduate students, doctoral students, applicants, and teachers of Cultural Studies]. Moscow, 2000. 496 p. (In Russian)
16. Flier A. Ya. Nekul'turnye funktsii kul'tury: ocherki [Non-Cultural Functions of Culture: Essays.] Moscow, 2008. 272 p. (In Russian)
17. Yakupov G. S. Fizika atomnogo yadra [Physics of the Atomic Nucleus : textbook]. Orenburg, 2018. 129 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Костина А. В. — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной и издательской деятельности.

Information about the author:

Kostina A. V. — Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor, Vice-Rector for Research and Publishing Activities.

Статья поступила в редакцию 21 августа 2025 года; одобрена после рецензирования 19 сентября 2025 года; принята к публикации 22 сентября 2025 года.

The article was submitted August 21, 2025; approved after reviewing September 19, 2025; accepted for publication September 22, 2025.